

Глава 12

— Где все? Куда все подевались? — Юнь Гэн, размахивая птичьей клеткой, варварски ворвался в главные ворота поместья, выкрашенные в красный лак. Голос его так и дышал яростью. — Где моя добрая племянница? Где моя родная дочь? Невестка? Невестка! В таком огромном доме некому встретить второго господина? Управляющий Хэ? Управляющий Хэ! Куда ты запропастился, старая кость?

Из тени галереи выскользнула сгорбленная фигура. Управляющий Хэ, подбегая, на ходу отряхивал пыль с подола халата.

— Второй господин, вы приехали. Госпожа и глава семьи несколько дней назад отправились в храм для уединения, а госпожа Лин уехала собирать долги и еще не вернулась. В доме остался только я, старый и немощный.

Юнь Гэн, закатив глаза, бесцеремонно сунул ему в руки клетку. Птичка внутри испуганно затрепыхалась.

— Что за вздор! Невестка и Чэмин и так слабы здоровьем, как ты посмел отпустить их в такую дорогу? Похоже, ты хочешь, чтобы твои старые кости окончательно рассыпались!

Старик Хэ покорно сносил упреки, не смея возразить. Мужчина, привыкший к его робости, спросил:

— Давно уехали?

— Если посчитать по пальцам, то уже почти полмесяца.

— Что? Полмесяца? — голос гостя взлетел до небес, в глазах отразилось неподдельное изумление. — И они преспокойно живут там полмесяца?

На лице управляющего Хэ появились морщинки от улыбки.

— Видимо, бодхисаттвы их оберегают. Да и молодой господин Бяо о них заботится.

— Молодой господин Бяо? — Юнь Гэн нахмурился, и между бровей залегла глубокая складка. — Откуда в семье Юнь взялся еще какой-то молодой господин?

Собеседник легонько хлопнул себя по лбу.

— Ах, вот ведь моя память! Второй господин еще не знает. У главы семьи в детстве была

помолвка с племянником госпожи Бай по имени Бай Цзин. Недавно он нашелся, вот они и воссоединились после долгой разлуки.

— Бай Цзин? Помолвка? — лицо Юнь Гэна потемнело, словно его покрыл слой инея. — Я слышал об этом от старшего брата, но того ребенка искали много лет без всякого успеха. Как же он мог так внезапно объявиться?

Старина Хэ, улыбаясь, указал пальцем на небо.

— Видимо, такова воля небес. Они сжалились над покойным господином, у которого не было наследников, и не захотели, чтобы род Юнь прервался.

— Необязательно! — тяжело фыркнул Юнь Гэн. — Слишком уж вовремя он нашелся. По-моему, это не воля небес, а дело рук человеческих. Старина Хэ, ты служишь в этой семье уже несколько десятков лет, ты здесь старожил. Ты ведь не забыл, о чем просил старший брат перед смертью?

Улыбка на лице управляющего мгновенно застыла, его черты стали суровыми, как железо.

— Просьбу господина, данную на смертном одре, я не забуду, даже когда окажусь в загробном мире.

— Хорошо, — голос мужчины стал совсем тихим, словно он боялся спугнуть притаившуюся тень. — Как думаешь, может, кто-то прознал о наших делах, намеренно переоделся и проник в семью Юнь, замышляя недоброе?

Хэ Шоучжэн вздрогнул, его зрачки сузились. В памяти яркой вспышкой возникла странная сцена с того самого приветственного пира. Заметив перемену в лице подчиненного, Юнь Гэн поспешно спросил:

— Ты что-то вспомнил?

Управляющий, собравшись с мыслями, подробно рассказал о странностях, произошедших за столом, и в конце добавил:

— В детстве молодой господин Бяо больше всего боялся рыбы. Во-первых, терпеть не мог ее запах, а во-вторых, стоило ему съесть кусочек, как всё тело покрывалось красными пятнами. Я хорошо помню, как в первый раз, когда это случилось, в обоих поместьях — и Бай, и Юнь — поднялся страшный переполох. Сколько врачей пришлось вызвать, чтобы болезнь отступила...

Кончики пальцев Юнь Гэна, скрытые в рукавах, побелели от напряжения. Он процедил:

— Ради безопасности всего дома, старина Хэ, мы должны тщательно проверить подноготную этого Бай Цзина и докопаться до истины!

— Вы совершенно правы, второй господин, — нахмурился управляющий, нервно теребя ткань рукава. — Только с чего нам начать такое расследование?

Юнь Гэн прошелся по комнате, сделал пару кругов и, резко остановившись, решительно произнес:

— Я в хороших отношениях с господином префектом. Пойду к нему и попрошу о помощи.

Дело было срочное, и они, не мешкая, вскочили на быстрых коней. Вздывая тучи пыли, всадники помчались к управе, но там их ждал весьма холодный прием.

Префект, сидевший за судейским столом, медленно и размеренно потягивал чай. Выслушав просьбу, он лишь слегка приподнял веки.

— Брат Юнь, не то чтобы я не хотел тебе посодействовать, но я действительно бессилен. Пришел указ о моем переводе в Цинчжоу, документы уже на руках, и через день-другой мне нужно выдвигаться.

— Что? — Юнь Гэн застыл, словно пораженный молнией. — Ваш срок полномочий еще не истек, почему всё так поспешно?

Чиновник поставил чашку и, осторожно поглаживая ее край пальцами, произнес с едва уловимой улыбкой:

— Дела в государстве переменчивы, кто может знать наверняка? Может, в следующем году я вернусь, а может, мне больше никогда не суждено ступить на эту землю — всё зависит от воли императора.

Юнь Гэн, у которого от волнения на лбу выступил пот, низко поклонился. Голос его дрожал:

— Господин, вы знаете меня: я никогда не прошу о помощи по пустякам. Но сейчас речь идет о безопасности всей семьи Юнь, я просто в отчаянии.

На лице префекта отразилось сомнение. Помолчав, он тяжело вздохнул:

— Так и быть, я познакомлю тебя с одним человеком. Новый господин Гу обладает стальной хваткой и огромными связями. Возможно, он сможет решить твою проблему.

— Огромное спасибо, господин! — обрадовался Юнь Гэн, торопливо отвешивая поклоны. Тревога в его сердце немного утихла.

Однако, когда они переступили порог резиденции Гу, их ждал сокрушительный удар. К ним вышел слуга и с явным высокомерием заявил:

— Мой господин еще не принял печать и не вступил в должность, так что сейчас он — лицо частное. Дел в поместье невпроворот, он никого не принимает.

Юнь Гэн и префект в изумлении переглянулись. Последний, горько усмехнувшись, покачал головой:

— Брат Юнь, ты сам видишь ситуацию. Я сделал, что мог, но мои руки связаны. Тебе придется искать другой путь.

— Господин, прошу вас, замолвите за нас еще хоть словечко! — взмолился Юнь Гэн, подавшись вперед.

Префект отступил на полшага назад и покачал головой:

— Этот господин Гу — человек всемогущий, но нрав у него вспыльчив. Я, скромный глава префектуры, не смею испытывать его терпение. На этом прощай, брат Юнь. Если судьба сведет нас снова, мы с тобой еще выпьем. Ха-ха.

В его смехе чувствовалась поспешность. Префект развернулся и быстро удалился вместе со свитой.

Юнь Гэн кипел от ярости, но был вынужден подавить ее. Он с фальшивой улыбкой проводил паланкин взглядом, и лишь когда тот скрылся за поворотом, его лицо снова окаменело.

Управляющий Хэ, видя, что второй господин вне себя от гнева, тихо предложил:

— Может, вернемся в поместье и подождем? Когда госпожа и глава семьи Юнь вернутся, мы всё обсудим и решим, как быть с проверкой.

— Что ты понимаешь! — резко оборвал его Юнь Гэн, но тут же замолчал, сглотнув. — Это дело... в общем, оно не терпит ни минуты промедления.

Он долго шарил у себя за пазухой, но нащупал лишь несколько холодных медных монет. Мужчина тихо выругался:

— Проклятье, как быстро они разлетелись! Старина Хэ, у тебя есть деньги? Давай соберем, что осталось, и отдадим этому привратнику, пусть доложит о нас еще раз.

Старик тоже принялся обыскивать карманы, но выудил лишь горсть мелких монет. На его лице отразилось смущение:

— Мы так спешили, что я ничего не захватил...

Делать было нечего. Юнь Гэн сгреб их жалкие сбережения в кулак и попытался всучить их человеку у дверей, заискивающе улыбаясь:

— Братец, будь человеком, доложи еще раз. Второй господин из семьи Юнь просит аудиенции у господина Гу по делу чрезвычайной важности.

Привратник даже не взглянул на деньги, убрав руки за спину.

— Наш господин слов на ветер не бросает. Сказал, что не принимает, значит — не принимает. Хоть гору золота принеси, я не пойду докладывать.

— Хе! — Юнь Гэн разозлился не на шутку, голос его сорвался на крик. — Ты хоть понимаешь, кто я такой? Знаешь, какой вес имеет фамилия Юнь в префектуре Сунцзян? Спроси любого в управе, каждый проявит ко мне уважение!

Слуга даже глазом не повел.

— Если сейчас же не уберетесь, я кликну людей, и вас вышвырнут силой.

Неужели каждый встречный теперь будет считать его слабаком? Юнь Гэн окончательно потерял самообладание. Плевав на приличия, он заорал во всю глотку, целясь внутрь двора:

— Господин Гу! Я — Юнь Гэн, второй господин семьи Юнь! В мой дом пробралась какая-то тварь! Он хочет лишить мою племянницу чести и заграбастать всё имущество Юнь! Прошу вас, господин, защитите нас!

Привратник побледнел и бросился на него:

— Что за безумства ты орешь! Прочь отсюда, не смей нарушать покой господина, иначе шкуру спущу!

Но Юнь Гэн, окончательно лишившись рассудка, продолжал выкрикивать обвинения. Привратник позвал на подмогу двух товарищей; они схватили мужчину под руки и уже

собирались стащить с крыльца, как вдруг холодный, властный голос, подобно ледяному ветру, прорезал воздух:

— Пойдите.

Все замерли. К воротам медленно подошел высокий человек. Это был Гу Яньдин. Его темные глаза, глубокие и неподвижные, словно омуты, остановились на незваном госте. Он медленно произнес:

— Ты сказал, в доме мошенник?

Юнь Гэн, вне себя от радости, вырвался из рук слуг и, спотыкаясь, подбежал ближе:

— Да, да, господин, всё верно! Я подозреваю, что к нам втерся в доверие обманщик.

— И что это за мошенник? — голос Гу Яньдина звучал бесстрастно, невозможно было понять, гневается он или нет.

— Он... — Юнь Гэн замялся, осознав, что в глаза не видел Бай Цзина, и быстро обернулся к управляющему: — Как он выглядит?

Старик Хэ на мгновение задумался, а затем неуверенно произнес:

— Он... очень красивый мошенник.

При этих словах в глазах Гу Яньдина мелькнул странный огонек, а уголок губ дернулся в загадочной улыбке.

— Очень красивый мошенник?

Очень красивый мошенник в этот момент любовался своей очень красивой кухней. Юнь Чэмин, не поднимая головы, сухо постукивал костяшками пальцев по столешнице.

— Изучай счета.

— На улице такая чудесная погода, — Сюнь Фэн хихикнул, не обращая внимания на строгость собеседника. — Может, бросим всё и пойдём полюбуемся лотосами?

— Сядь ровно, — невозмутимо отрезала кузина.

Юноша никогда не отличался примерной осанкой: ни когда стоял, ни когда сидел. Вот и сейчас он, перегнувшись через стол, едва не залез носом в бумаги Юнь Чэмин.

— Я уже столько дней кряду только и делаю, что пялюсь в эти книги да щелкаю костяшками. Кузина, ты только посмотри на мои руки, — он просунул ладони прямо перед глазами Юнь Чэмина. — Видишь? Они же совсем распухли.

Юнь Чэмин опустил взгляд и без малейшего сочувствия разоблачил его:

— Лжешь.

— Ну как же это — лгу? Посмотри внимательнее: вот здесь и вот тут, кожа же совсем покраснела, — Сюнь Фэн едва не коснулся ее пальцев. — Не веришь — потрогай. Опухшие руки всегда горячие. Мои ладони так пылают, что того и гляди счета вспыхнут. Хочешь убедиться?

— Бай Цзин, — предостерегающе произнес Юнь Чэмин.

— Ладно-ладно, молчу, — Сюнь Фэн вскинул руки в жесте капитуляции. — Эх, а я-то хотел нарвать свежих лотосовых семян для тетушки. Видно, не суждено мне, неблагодарному племяннику, проявить сыновнюю почтительность.

Собеседник закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Если решишь математическую задачу, так и быть — иди.

Юноша, считавший себя втайне мастером вычислений, самоуверенно заявил:

— Задавай свою задачу, кузина.

Юнь Чэмин начал размеренно:

— Имеется три снопа зерна высшего сорта, два снопа — среднего и один — низшего, что в сумме дает тридцать девять доу. Два снопа высшего, три среднего и один низшего составляют тридцать четыре доу. Один сноп высшего, два среднего и три низшего — двадцать шесть доу. Спрашивается: сколько зерна в одном снопе каждого сорта?

Снопы, зерно, сорта... У Сюнь Фэна голова пошла кругом. Он украдкой взглянул на него и обнаружил, что тот с плохо скрываемым ехидством наблюдает за ним. Юноша кашлянул и принялся с деловым видом щелкать счетами.

— Ха, слишком просто.

Юнь Чэмин лишь улыбнулся в ответ, не говоря ни слова.

«Я, великий Цяньмянь Ухэнь, не могу ударить в грязь лицом перед этой барышней», — подумал юноша. Его пальцы летали над счетами, костяшки гремели, будто град по крыше, но на деле он не продвинулся ни на шаг. Внезапно, охваченный отчаянием, он ощутил вдохновение.

— Кхм! Пара глаз твоих сияет ярче звезд...

Брови Юнь Чэмин слегка дрогнули.

— Изгиб бровей твоих — как лист ивовый, — продолжал Сюнь Фэн. — Смущенье красит щеки алой розой. Ты станю гибка, как весенний пруттик, а пальцы нежны, словно почки вербы... Кузина, ты прекрасна на все десять баллов!

Юноша лишь приподнял бровь и ледяным тоном произнес:

— Лотосы отменяются, семена останутся на озере, а арифметику ты будешь зубрить до посинения.

Юноша уже открыл рот, чтобы снова начать паясничать и увильнуть от учебы, но тут появилась Бай Цимэй.

— Чэмин, управляющий Хэ прислал весточку. В доме стряслось что-то серьезное, нам нужно немедленно возвращаться.

— Ну так чего же мы ждем? По коням! — Сюнь Фэн подскочил, словно получил помилование от самого императора. Скука, навеянная счетными книгами, мигом испарилась, а глаза радостно заблестели. В храме ему было невыносимо тесно: ни поесть по-человечески, ни развлечься, так еще и кузина вечно заставляла его учить всякую заумь, будто и впрямь вознамерилась сделать из него купца. Послание от старика Хэ пришлось как нельзя кстати — юноша всем сердцем желал поскорее вернуться в поместье семьи Юнь.

<http://bllate.org/book/16000/1473053>